

Особенности авторского описания Первого крестового похода (на материале хроники Жилона Парижского XII века)

А. О. Манухина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
amanuhina@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье выявляется специфика авторского описания Первого крестового похода на материале сочинения Жилона Парижского XII века, написанного на средневековой латыни. Рассматриваются особенности изложения событий и оценочные характеристики персонажей. Цель исследования состоит в выявлении и описании оценочных конструкций, отразивших, с одной стороны, своеобразие авторского личного осмысления реальности, с другой – устоявшиеся этические и эстетические каноны западноевропейского рыцарства эпохи Крестовых походов. На основе проведенного анализа воссоздана специфика авторского повествования, в котором реальный современный рассказчику мир переплетен с элементами вымышленного мира Античности.

Ключевые слова: диахронические исследования, оценочные конструкции, античные реминисценции, нравственные стереотипы рыцарства, латинские письменные памятники Крестовых походов

Для цитирования: Особенности авторского описания Первого крестового похода (на материале хроники Жилона Парижского XII века) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 13 (894). С. 83–89.

Original article

Features of the Author's Description The First Crusade (based on the Chronicle of Gilo Parisiensis of the 12th century)

Alla O. Manuhina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
amanuhina@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the specifics of the author's description of the First Crusade based on the material of the work of Gilon of Paris of the XII century, written in medieval Latin. The features of the presentation of events and the evaluative characteristics of the characters are considered. The purpose of the study is to identify and describe evaluative constructions that reflect, on the one hand, the originality of the author's personal understanding of reality, on the other, the well-established ethical and aesthetic canons of Western European chivalry of the Crusade era. Based on the analysis, the specifics of the author's narrative are described, in which the real modern world of the narrator is intertwined with elements of the fictional world of Antiquity.

Keywords: diachronic studies, evaluative constructions, ancient reminiscences, moral stereotypes of chivalry, Latin written monuments of the Crusades

For citation: Manuhina, A. O. (2024). Features of the author's description The first crusade (based on the chronicle of Gilo Parisiensis of the 12th century). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(894), 83–89. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Письменные свидетельства Первого крестового похода (1096–1099) как историческое наследие, прошедшее через века до наших дней, запечатлели культурные традиции его участников и современников, ценностное восприятие окружающего мира, что выразилось в конкретных языковых формах.

В последнее время лингвисты, культурологи, историки и литературоведы интенсивно проводят диахронические исследования на материале текстов отдаленной эпохи, что определяет актуальность заявленной темы исследования. Материалом статьи является аутентичный письменный памятник XII века «*Historia gestorum viae nostri temporis Ierosolimitana*», который привлекается впервые для лингвистического анализа. Произведение дошло до нас в шести незначительно отличающихся друг от друга манускриптах, каждый из которых имеет свой подзаголовок. В нашей работе используется факсимильное издание документа, опубликованного в многотомном сборнике «*Recueil des historiens des croisades*». «*Historia gestorum*» – латинская эпическая стихотворная история Первого крестового похода. Описываемые в ней события охватывают период от осады Никеи в 1097 году до взятия Иерусалима в 1099 году. По своему жанру поэма является рифмованной поэтической хроникой, описывающей реальные исторические события, написанной частично рифмованным гексаметром (*en hexamètres rimés*), частично леонинским стихом (*en vers léonins*) [Recueil ... 1895].

Для реализации поставленной цели в рамках статьи решаются следующие задачи:

- провести анализ содержания «*Historia gestorum*» и его художественных особенностей, свойственных периоду Средневековья;
- выявить компоненты оценочной структуры изучаемого произведения с учетом специфики жанра и культурных канонов эпохи Крестовых походов;
- описать специфику оценочной структуры хроники через исследование авторской оценки.

Для реализации указанных задач в работе используются следующие методы: метод наблюдения, лингвистическое описание на фоне внешней истории с учетом культурных реалий эпохи, контекстуальный анализ.

Научная новизна работы состоит в том, что:

- впервые дается лингвистическое описание средневековой латинской хроники XII века «*Historia gestorum*»;
- впервые осуществляется изучение ее содержательной структуры, лингвистических и художественных особенностей;

- выявляется механизм оценивания в тексте с учетом этических канонов эпохи Крестовых походов и специфики авторского осмысления окружающей действительности.

Практическая ценность статьи заключается в том, что данные, полученные в результате исследования, могут быть использованы на теоретических курсах и семинарах по истории французского языка, а также при написании дипломных и курсовых работ.

АВТОР КАК СУБЪЕКТ ОЦЕНКИ

Авторское восприятие действительности вербализовано в оценочном компоненте в тексте сочинения, в отношении текста к «внетекстовой реальности, литературным нормам, традициям, ценностным представлениям» [Игнатьева, 2001, с. 27]. Важнейшим компонентом сложной оценочной структуры является автор как субъект оценки.

Считается, что сочинение было написано около 1110 года [Флори, 2013, с. 143]. Авторство Жилона (*лат.* Gilo Parisiensis или *фр.* Gilon de Paris), кардинала Парижского (1080–1142), французского политика, высокопоставленного сановника и ученого поэта, не подлежит сомнению: Жилон как автор фигурирует в подзаголовках сочинения, выявленных в нескольких манускриптах хроники [Recueil ... 1895, с. 55]: «*Ad historiam gestorum viae nostri temporis Hierosolymitanae, auctore Gilone Parisiensi*» («К истории деяний Иерусалимского пути нашего времени, автора Жилона Парижского») и «*Historia Gilonis cardinalis de via Hierosolymitana*» («История кардинала Жилона о Иерусалимском пути»). Также он о себе открыто заявляет в финале книги как об авторе произведения:

Haec ego composui, Gilo nomine Parisiensis Incola,
Tuciaci non inficiandus alumnus [Recueil ... 1895,
с. 143]. – Я это сочинил, по имени Жилон, Житель
Парижа, несомненный уроженец Тузи.

В конце сочинения (стереотипном средневековом *explicit*) Жилон также свидетельствует о своем авторстве текста:

Explicit historia Iherosolimitana, edita a domno
Gylone, Tysculanensi episcopo [Recueil...1895, с. 143].
– Закончена история Иерусалимская, созданная го-
сподином Жилоном, епископом Тускулама.

Манера вести повествование от третьего лица, типичная для средневекового произведения форма обозначения авторского «Я», имела целью создать ощущение отстраненности и значит,

объективности при описании событий. Интересно, что в данном фрагменте Жилон именует себя *domnus* (искаженное *лат. dominus* – «господин»). Средневековый титул, применяемый только к высшим церковным должностным лицам (*de hauts dignitaires ecclésiastiques*) [Recueil ... 1895, с. 60], свидетельствует о его знатности и высоком уровне образования.

РЫЦАРИ ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА В АВТОРСКОМ ВОСПРИЯТИИ

Главный объект описания и авторской оценки в хронике – рыцари, участники Первого крестового похода, на что указывает подзаголовок в одной из рукописей произведения: «Textus gestorum memorandus Christicolarum» («Памятный текст деяний христиан», где под христианами подразумеваются *milites Christi*, то есть крестоносцы). Жилон Парижский не был личным свидетелем событий Первого крестового похода. Книга «Historia gestorum» компиляция рассказов старших современников и более ранних хронистов (Роберта Монаха, Раймунда Ажильского, Фульхерия Шартрского, анонимного *Gestae Francorum*), возможно, Жилон имел доступ к рассказам очевидцев похода [Recueil ... 1895, с. 144].

«Historia gestorum» была написана спустя десятилетие после описанных в ней событий, на что указывает обращение автора к участникам Первого крестового похода как *patres* (букв. 'отцы'), и призыв к рыцарям – своим современникам следовать примеру отцов:

Bene gesta patrum reminiscens aemula virtus Evolet ad similes per flammam pectoris actus [Recueil ... 1895, с. 697]. – Пусть равная доблесть, помнящая деяния отцов, достойно проходит сквозь огонь груди для подобных свершений.

Оба поколения рыцарей охарактеризованы оценочным выражением *aemula virtus* (равная доблесть), содержащим положительную этическую оценку ратных качеств воина. Авторская субъективная позиция по отношению к рыцарям вербализована выражениями *gesta patrum* (деяния отцов), *flammam pectoris* (огонь груди), *similes actus* (подобные свершения), содержащими эмоциональную оценку.

Сравнение двух поколений рыцарей присутствует и в следующих строках:

Inclyta gesta Ducum perscribere magnanimorum Fert animus, patrum qui fortia facta suorum Non solum magnis successibus aequiparare Sed maiore fide certarunt exsuperare [Recueil ... 1895, с. 697]. – Дух

влечет описать славные подвиги благородных полководцев, кто великими успехами не только стремился равняться на храбрые деяния своих отцов, но и большей верой их превзойти.

Положительная эмоциональная оценка, адресованная крестоносцам, здесь выражена эпитетом *magnanimus* (благородный, великодушный, мужественный, храбрый) в словосочетании *ducēs magnanimi* (благородные полководцы). Положительная оценка, отнесенная к их поступкам, передана посредством выражений, содержащих отчетливые этические коннотации: *inclyta gesta* (славные подвиги), *magni successes* (великие успехи), *fortia facta* (храбрые деяния) и *maior fides* (большая вера). Употребление возвышенной лексики и эмоциональная выразительность – повествовательные приемы, привычные скорее для жанра *Chanson de geste*, нежели для документальных свидетельств Крестовых походов, в совокупности обусловлены влиянием этических и эстетических канонов Средневековья: «...это сходство объясняется именно тем, что о битвах писали так, “как положено”, используя определенный канон и при отборе лексики, и при построении фразы» [Челышева, 2006, с. 62], при этом определенные стереотипы «приложимы и к текстам на романских языках, и к текстам на средневековой латыни» [Челышева, 2006, с. 54].

Примечательно, что употребление в анализируемом отрывке выражения *fert animus* (дух влечет), представляет собой часть строки из «Метаморфоз» Овидия, что можно рассматривать как скрытое цитирование.

Подобные приемы неоднократно повторяются в тексте хроники:

Inque suis Francis antiqua resurgere Troja. Coepit et edomuit Christo contraria regna [Recueil...1895, с. 715]. – И среди своих Франков древняя воскреснет Троя. Он захватил и подчинил Христу враждебные царства.

Рассмотренный фрагмент содержит аллюзию на слова из «Энеиды» Вергилия: «Illic fas regna resurgere Trojae» (I, 204) – «Там предначертано вновь воскреснуть Троянскому царству». Однако в данном контексте перефразированная цитата римского классического автора приобретает новое оценочное содержание в свете средневекового католического вероучения: завоевание крестоносцами Востока и его христианизация (*edomuit Christo – подчинил Христу*) уподобляется возрождению великой античной цивилизации, и французы – соотечественники автора (названные в тексте *Franci*) непосредственно участвуют в этом преображении.

Очевидно, ученый-эрудит Жилон Парижский рассчитывал на адекватное прочтение строк *fert animus* и *resurgere Troja* современниками: хроника адресована образованной элите, способной понять отсылки к Античности. Однако в контексте событий Крестовых походов античные реминисценции приобретают новое звучание: средневековое рыцарство уподобляется персонажам римской легендарной истории, что служит средством его восхваления и частью типичного для Средневековья процесса «его поэтизации, героизации и даже мифологизации» [Гуревич, 2005, с. 144].

Соединение античных традиций и христианских ценностей, типичное для Средневековья, определяют основание оценочного описания рыцарства и Первого крестового похода. Так, при изложении событий взятия Иерусалима автор говорит о Боге как о реальном персонаже, участвующем в сражении на стороне крестоносцев:

Dux ducis exsequitur curam fortisque laborem, Multis hortatur pugnant. Pugnat et ipse, Pugnat pro duplici regno, quia quaerit utramque Iherusalem, decertat in hac ut vivat in illa [Recueil...1985, с. 705]. – Храбрый Вождь вождей исполняет заботу и труд. Многим он побуждает сражающихся. Сражается и сам, Сражается за двойное царство, так как стремится и к этому, и к тому Иерусалиму, сражается в этом, чтобы жить в том.

Бог именуется здесь *Dux ducis* (вождь вождей), что отражает распространенное обращение к Иисусу Христу, взятое из Нового Завета. В этом отрывке сочетаются средневековое провиденциалистское понимание истории и личная оценочная позиция автора: с одной стороны, Всевышний творит историю, непосредственно направляя ход событий, с другой – Иисус Христос описан как реальный человек. Автор делает акцент на физическом присутствии Бога как простого рыцаря во время боя: *multis hortatur pugnant* (многим он побуждает сражающихся), *pugnat et ipse* (сражается и сам). Осознание присутствия Иисуса должно было подчеркнуть особую важность происходящих событий.

Упоминание о «двойном царстве» (*pugnat pro duplici regno*), «том и этом Иерусалиме» (*quaerit utramque Iherusalem*) также содержит отсылку к символическому восприятию Иерусалима в культуре Средневековья: Иерусалим – Град земной и Небесный, воспроизводит идеализированный, сложившийся благодаря многочисленным паломничествуобраз, имеющий особую духовную ценность для западноевропейских христиан.

Таким образом, описание штурма Иерусалима, состоявшегося в 1099 году, постепенно утрачивает

связь с реальными событиями и воспринимается читателем как мистическое религиозное действие, «превращаясь во вдохновляющую идею, миф» [Кардини, 2007, с. 97], в котором сами крестоносцы становятся посланниками Бога, воплощающими волю Всевышнего.

СПЕЦИФИКА ОПИСАНИЯ ГОТФРИДА БУЛЬОНСКОГО КАК ПРЕДВОДИТЕЛЯ ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

Готфрид Бульонский (1060–1100), именуемый в тексте *dux Godefridus* (букв.: ‘предводитель Готфрид’ или ‘герцог Готфрид’, в зависимости от контекста), занимает важнейшее место в хронике. Авторский выбор центрального персонажа, очевидно, обусловлен тем, что Готфрид – уроженец Франции (графства Булонь), а именно французам отведена особая роль в повествовании. Предводитель Первого Крестового похода, Готфрид участвовал в штурме Иерусалима вместе с другими знатными рыцарями и после взятия Святого Града возглавил Иерусалимское королевство.

В начале произведения, объясняя свой выбор объекта описания, Жилон Парижский сравнивает рыцаря Готфрида с персонажами греческих мифов и легендарной истории римлян:

Nec Turno dedimus carmen, nec carmen Achilli, Sed juveni carmina plura dedi [Recueil...1895, с. 708]. – Ни Турну мы отдали песню, ни песню Ахиллу, Но я отдал многие песни юноше.

В данном отрывке положительная оценка имплицитна. Примечательно, что Готфриду во время Первого крестового похода было около 40 лет. Однако рассказчик, не упоминая имени, называет его *juvenis* («юноша»). Намеренное сравнение главного героя с юношей и тем самым его уподобление героям Античности является средством поэтизации и героизации персонажа. Ставя Готфрида в один ряд с Турном (царевичем Лациума, соперником Энея) и Ахиллом, автор выражает ему свое восхищение.

Жилон Парижский оценивает воинскую доблесть Готфрида:

Magnus at ille ducum Godefridus liber ad arma Evolat, et patriam moto ense salutatur [Recueil...1895, с. 792]. – И этот величайший из вождей благородный Готфрид к оружию подлетает, и приветствует родину взмахом меча.

Положительная этическая оценка вербализована эпитетом *liber* (благородный), элативной

конструкцией *magnus ducum* (величайший из вождей) и метафорой *ad arma evolat* (к оружию подлетает), которые создают образ отважного воина.

Готфрид упоминается также и среди других рыцарей, проявивших отвагу при осаде Иерусалима:

Stans comes Eustachius in castro cum Godefrido.
Susceptos ictus reddit cum foenere duro [Recueil...1895, с. 705]. – Стоящий в лагере граф Эсташ с Готфридом. Полученные удары отдавал с жестоким процентом

Высказывание *susceptos ictus reddit cum foenere duro* (полученные удары отдавал с жестоким процентом) подразумевает оценку автора: восхищение рыцарями и презрение к врагу.

Умение и опыт, наряду с храбростью, были важнейшими рыцарскими добродетелями. В хронике описано инженерное мастерство Готфрида в военном деле:

Construitur studio Godefridi machina, formam Castelli retinens, multoque labore reperta [Recueil...1895, с. 701]. – Построена стараниями Готфрида машина, имеющая форму замка и созданная с большим трудом.

Автор подчеркивает трудность задачи (*multoque labore reperta*) при сооружении осадной башни, что усиливает авторскую оценку.

Битва за Иерусалим происходит летом 1099 года, и природа служит фоном для описания действий крестоносцев:

Junius ardebat, et sol ardebat in armis, Quando suis texere duces loca congruis castris. Solis ab occasu tendit Godefridus in hostem. – Пылал июнь, и солнце пылало на оружии, Когда вожди покрыли своими лагерями соответствующие места. На закате направился Готфрид на врага. На закате Танкред устрасал город. Solis ab occasu terret Tancretius urbem [Recueil...1895, с. 701]

Напряженность перед битвой передана метафорой (*sol ardebat in armis*). Рассказчик подчеркивает суровые условия (*junius ardebat* – пылал июнь) и в данном контексте описание природы приобретает символическое значение: сравнение предстоящего сражения с жарой июня (*junius ardebat*) можно рассматривать как интенсификатор авторской оценки.

Жилон Парижский описывает не только Готфрида – воина, но и Готфрида – властителя, так как он стал править в Иерусалиме с 1099 года, приняв титул «защитника Гроба Господня»:

Divino tandem nutu Procerum salubri. Consilio regimen sortitur dux Godefridus, Octava qui regna die suscepit ab urbe Capta. Vir regno dignus cum rege beato Vivat in octava [Recueil...1895, с. 800]. – Однако волей Господа по спасительному совету предводителей. Правление получил по жребию герцог Готфрид, Который принял царство на восьмой день от завоевания города. Да здравствует в восьмой день муж достойный царства с благословенным царем.

В рассказе создается образ «воителя за веру»: автор высказывает свой восторг избранному главе Иерусалима эмоционально-оценочной лексикой *Vivat vir regno dignus* (Да здравствует муж достойный царства) и называет его *rex beatus* (благословенный царь). При этом авторское «Я» открыто не проявляется – употреблено выражение *regimen sortitur* (царство получил по жребию) и указано, что все действия соответствуют воле Всевышнего (*Divino nutu*).

Все приведенные выше примеры описания Готфрида Бульонского показывают, что в повествовании представлен не столько конкретный человек, сколько иллюстрация идеального рыцаря и короля с соответствующим набором качеств физических и моральных: он воплощает юность и силу, неустранимость в бою, воинское умение, способность терпеть лишения и быть достойным правителем. Идеализация исторических личностей была свойственна различным жанрам средневековых памятников и, видимо, продиктована пожеланиями читательской аудитории, «которая нуждалась в чтении дидактически – развлекательного характера» и ожидала увидеть «не историческое повествование, о обобщенно – сказочное» [Школьников, 2008, с. 252].

СПЕЦИФИКА ОЦЕНОЧНОГО ОПИСАНИЯ СОБЫТИЙ ПОХОДА

Реальные исторические события, изложенные в хронике, также преподносятся через призму авторского осмысления:

Postquam Dux rapidum Godefridus transiit Histrum Disposuitque suas turmas per aperta viarum Noricos fines jam praetervectus abibat Pannonias versus iter indefessus agebat [Recueil...1895, с. 790]. – После того, как герцог Готфрид перешел быстрый Истр, И расположил свои конные отряды по обочинам дорог Уже проехав мимо норикских границ, он ушел и держал путь, не знающий усталости, по направлению к Панонии.

Здесь автор сознательно использует военные термины и географические названия, относящиеся к эпохе Римской империи: *turma* (римский конный отряд в 30–35 человек), *Noricus fines* (границы Нориков, от обозначения древней провинции эпохи Римской империи Норик), *Pannonia* (Паннония, название части Римской империи, находившейся между Нориком, Дакией и Иллирией), т. е. события Первого крестового похода по воле автора происходят среди реалий времен Римской империи.

Partem, quam mundus vocat occasum, Boemundus Occupat, et conta muros statuit sua castra ; Ille tuae fortis datus est, Godefride, cohorti [Recueil ... 1895, с. 792]. – Часть, которую мир называет западом, занял Бозмунд, и напротив стан выставил свой лагерь; Он был передан твоей сильной, Готфрид, когорте.

Ecce nichil timidus comes Hudo, dux Godefridus, Hortati fortem precibus cohortem, Cursu certabant, sociosque juvare parabant [Recueil ... 1895, с. 731]. – И вот ничего не боящийся граф Гуго, герцог Готфрид Побуждали мольбами сильную когорту В беге состязались, и готовились помогать союзникам

В анализируемых фрагментах войско крестоносцев названо *cohors* (когорта), что снова отсылает нас к реалиям эпохи Древнего Рима: когортой называлась десятая часть римского легиона. В сочетании с эпитетом *fortis* («сильный») *cohors* образует повторяющееся оценочное выражение. Оно передает этическую оценку автора, адресованную собирательному персонажу. В Средневековье термины *turma* и *cohors* не употреблялись: использование лексики классических римских авторов для описания военных действий XII века можно считать особым стилистическим приемом для героизации участников похода. В то же время перенос реалий Античности в современную Жилону Парижскому действительность не уникален в средневековой литературе. Подобное встречается и у других авторов той эпохи: военное искусство римлян всегда оставалось авторитетным в Средневековье. Крестоносцам были известны сформулированные римлянами предписания для проведения боевых действий. «Несмотря на то, что способы ведения войны в Средневековье изменились по сравнению с эпохой Античности, автор видит в трактате поучения и наставления для крестоносцев, а не для древних римлян» [Кислицина, 2006, с. 25].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенного анализа особенностей авторского осмысления событий Первого

крестового и описания его участников представляется возможным сделать следующие выводы:

1. В основе выбора автором рассмотренных нами средств вербализации этической и эстетической оценки лежит эталонизация Античного мира. Жилон Парижский уподобляет своих старших современников, рыцарей-крестоносцев, легендарным героям Греции и Рима (Ахиллу, Турну), о которых он узнал из книг классических латинских авторов и которые считались идеалом воинской отваги.
2. Описывая хронологию событий Первого крестового похода, Жилон Парижский переплетает реальный современный ему мир с элементами вымышленного мира Античности. При этом повествование преподносится как историческая хроника.
3. Книга рассчитана на аристократического читателя: именно ориентируясь на потенциальный интерес читательской аудитории к деталям Крестового похода и подвигам рыцарей, Жилон Парижский вольно обходится с деталями исторического и географического характера. Адресатом сочинения должны были быть члены его социальной группы эрудированные представители высшего сословия, знакомые с наследием классических латинских авторов настолько, чтобы оценить скрытые цитаты и отсылки в тексте «*Historia gestorum*» к мифологии и реалиям Древней Греции и Рима.
4. Хроника «*Historia gestorum*» представляет собой своеобразный опыт этического восприятия событий недавнего прошлого в жестких, заранее заданных канонами Средневековья рамках. Герои, образы и терминология Античности переосмыслены под влиянием христианских и чисто рыцарских моральных норм, что составляло в эпоху Крестовых походов «культурный код эпохи» [Игнатьева, 2001, с. 29].

Изучение специфики авторского восприятия событий, героев и их поступков позволяет нам понять лингвокогнитивный механизм оценки в исторических памятниках эпохи Крестовых походов, написанных на средневековой латыни. Дальнейшее рассмотрение лингвокогнитивного механизма оценки на материале ранее не изученных текстов той же эпохи, но написанных на народных, романских языках, представляется перспективным направлением и может в дальнейшем стать предметом отдельного исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Recueil des historiens des croisades, publié par les soins de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. Historiens occidentaux. Tome cinquième. Paris: Imprimerie royale, MDCCCXCV. 1090 p.
2. Игнатъева Т. Г. Типология старофранцузского текста. Красноярск: Из-во Краснояр. гос. ун-та, 2001.
3. Флори Ж. Боэмунд Антиохийский. Рыцарь удачи. Москва: Клио, 2013.
4. Челышева И. И. Эстетический канон и нормирующие тенденции в языке средневековых романских памятников // Языковая норма и эстетический канон. М.: Языки русской культуры, 2006. С. 54–75.
5. Гуревич А. Я. Индивид и социум в средневековом Западе. М.: Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 2005.
6. Кардини Ф. Европа и ислам: история непонимания. СПб.: Александрия, 2007.
7. Школьникова О. Ю. Средневековый перевод с латыни: стилистические и смысловые трансформации текста на примере старофранцузского перевода «Жития Святого Этьена де Гранмон» // Вестник ТГУ. 2008. Вып. 2(58). С. 251–254.
8. Кислицына М. П. Лингвистические особенности французского рукописного текста «Книга о рыцарском искусстве»: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.

REFERENCES

1. Recueil des historiens des croisades, publié par les soins de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. Historiens occidentaux (1895). Paris: Imprimerie royale.
2. Ignateva, T. G. (2001). Tipologiya starofrantsuzskogo teksta = Typology of the Old French text. Krasnoyarsk: Iz-vo Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.)
3. Flori, J. (2013). Boemund Antiokhiiskii. Ritsar udachi = Bohemond of Antioch. Knight of Fortune. Moscow: Klio. (In Russ.)
4. Chelishcheva, I. I. (2006). Aesthetic canon and normalizing tendencies in the language of medieval Romanesque monuments. Linguistic norm and aesthetic canon (pp. 54–75). Moscow: Yaziki russkoi kulturi. (In Russ.)
5. Gurevich, A. Ya. (2005). Individi i sotsium v srednevekovom Zapade = The individual and society in the Medieval West. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. (In Russ.)
6. Kardini, F. (2007). Yevropa i islam: istoriya neponimaniya = Europe and Islam: a history of Misunderstanding. St.Petersburg: Aleksandriya. (In Russ.)
7. Shkolnikova, O. Yu. (2008). Medieval translation from Latin: stylistic and semantic transformations of the text on the example of the Old French translation of the "Life of Saint Etienne de Granmont". Bulletin of TSU, 2(58), 251–254.
8. Kislicina, M. P. (2008) Lingvisticheskie osobennosti frantsuzskogo rukopisnogo teksta «Kniga o ritsarskom iskusstve» = Linguistic features of the French handwritten text "The Book of Chivalry": PhD in Philology. St.Petersburg. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Манухина Алла Олеговна

кандидат филологических наук, доцент

зав. кафедрой фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Manuhina Alla Olegovna

PhD (Philology), Associate Professor

Head of the Department of Phonetics and Grammar of the French language

Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

18.09.2024
20.10.2024
21.10.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication